

Ильин Михаил Васильевич,
доктор политических наук
ординарный профессор НИУ ВШЭ
руководитель Центра перспективных методологий
социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН
mikhaililyin48@gmail.com

СЕМИОТИЧЕСКИЙ, МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ, КОМПАРАТИВНЫЙ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ДИСКУРСА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ПРИЛОЖЕНИИ

Аннотация

В МГУ по инициативе кафедры теории дискурса и коммуникации филологического факультета и центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН состоялся теоретико-методологический семинар «Дискурс: пространство междисциплинарных исследований». Ниже публикуется отчет об этом мероприятии. Расширенная версия отчета публикуется в ежегоднике "МЕТОД".

Ключевые слова: компаративный анализ дискурса, междисциплинарные исследования

Abstract

Theoretical and methodological seminar "Discourse: interdisciplinary research space" was held in Moscow State University on the initiative of the Department of the theory of discourse and communication Philological Faculty and Center for Advanced methodologies of social and humanitarian studies INION. The report of this event is published in this article. Extended version of the report published in the yearbook "method".

Key words: comparative discourse analysis, interdisciplinary research

Вводное выступление

В последние годы изучение дискурсов получило широкое распространение в различных научных дисциплинах и исследовательских направлениях. При этом значительно растет разнообразие подходов и методик анализа. Что объединяет эти усилия? Можно ли говорить о едином научно-исследовательском пространстве? Не ведут

ли поиски предметной специфики и специализация к образованию оторванных друг от друга и замкнутых исследовательских ниш? Можно ли в этих условиях предложить пути конструктивного и взаимно полезного взаимодействия представителям разных научных направлений и школ?

Свои ответы на данные вопросы предлагает Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, одной из задач которого является поиск эффективных способов методологической интеграции социально-гуманитарного знания, в частности, путем выявления органонов-интеграторов как методологий трансдисциплинарных исследований.

Мы исходим из того, что специфика, возможности и ограничения отдельных дисциплин и научных направлений в значительной, если не решающей мере зависят от соотношения их предмета и метода. При этом общая структура социально-гуманитарного знания характеризуется наличием различных его уровней или «этажей». Они создаются субдисциплинарными, дисциплинарными, междисциплинарными и трансдисциплинарными исследованиями. На каждом этаже свое сочетание и соотношение, свои «пропорции» внимания и учета предмета и метода. В целом предметность имеет тенденцию нарастать при движении к дисциплинарным и субдисциплинарным исследованиям, а методологичность – к трансдисциплинарным исследованиям.

Особый интерес представляют методологические комплексы или органы социально-гуманитарного знания, которые формируются в рамках трансдисциплинарных исследований и обладают мощным интеграционным потенциалом. Образование таких органов связано с их «очищением» от предметности. Пример – проект Чарльза Морриса по созданию «чистой семиотики» [Morris 1971; Моррис 1982; Моррис 2001]. Однако не менее важно «насыщение» органонов-интеграторов предметностью в ходе конкретных научных исследований.

Различные органы-интеграторы обладают своим специфическим соотношением тенденций очищения и насыщения предметностью. Для каждого из органонов можно вести речь о двух полюсах притяжения — предметном и методологическом. Так, например, в определенном, «насыщенном» своем варианте семиотика предстает как лингвистическая семиотика, морфология — как биологическая морфология, компаративистика — как сравнительная политология. Но для этих же органонов

возможны и «очищенные» их варианты — общая семиотика, общая морфология и общая компаративистика. И в этих своих очищенных формах они будут напоминать математику, которую мы пока еще привычно воспринимаем как единственный в полном смысле слова очищенный органон.

Общая семиотика и общая морфология фактически остаются лишь потенциальными методологическими конструкциями, а конкретные исследования сильно отягощены предметностью. Для этих органонов задача очищения принципиально важна для адекватного развития трансдисциплинарного этажа.

Компаративистика в этом отношении занимает промежуточное положение. Здесь существенно важны как ее очищение, так и насыщение.

В настоящий момент очищенные варианты органонов еще недостаточно проработаны и недостаточно отрефлексированы в этой своей роли. Однако именно существование очищенных форм органонов (пусть пока и латентное) делает возможным переход от одних их насыщенных вариантов органонов к другим их насыщенным вариантам. Например, от опредмеченной лингвистической семиотики к также опредмеченной семиотике политической — через очищенную общую семиотику.

Что способно помочь подобным переходам? Дозированное и поэтапное очищение путем перехода на более верхние этажи исследований — с субдисциплинарных на дисциплинарные, с дисциплинарных на междисциплинарные. Наконец, подъем на трансдисциплинарный уровень. Возникает вопрос о том, не исчезнет ли в ходе подобного очищения сам предмет наших исследований. Да, подобная опасность существует. Однако есть и средство, связанное с расширением самого предметного поля. Для анализа дискурсов можно предложить расширение самого поля дискурса, точнее создание комплексного пространства связанных друг с другом дискурсов.

Весь наш семинар можно воспринимать как приглашение к эксперименту на самих себе. Предлагаю вообразить, а в перспективе даже попробовать создать серию дискурс-анализов. Пусть они будут максимально разнообразны предметно и субдисциплинарно, но при этом фокусироваться на одном символическом событии. Давайте рассмотрим эпизод падения Берлинской стены как дискурс в различных дисциплинарных и предметных контекстах — политических, экономических, культурных, военных, архитектурных, театральных, моральных, психоаналитических и т.п.

Что это будут за дискурсы? Рискну предложить в качестве одного такого специфического дискурса рассмотрение событий осени 1989 года сквозь призму модели политэконома Альберта Хиршмана «Выход – Голос – Лояльность» [Hirschman 1970]. Контуры подхода намечены в соответствующей статье самого Хиршмана [Hirschman 1993]. Можно рассмотреть эпизод падения Берлинской стены как один из философских дискурсов освобождения. Можно рассмотреть соответствующие события как дискурсное выражение дипломатических взаимодействий между НАТО и Варшавским Договором или стран-участниц ОБСЕ. Дискурс падения Берлинской стены можно поместить в рамки проблематики конвергенции двух систем в ее различных интерпретациях: исходная концепция Я.Тинбергена, «социалистическое будущее человечества» (Шахназаров), «новое политическое мышление» (Шахназаров и Горбачев), концепция конвергенции Сахарова и т.п. Количество подобных дискурсов может быть умножено [Chilton, Plyn, Mey 1998; Bruner 1989] за счет, например, дискурса «общего европейского дома» [Chilton, Plyn 1993; Chilton 1996], а также различных театральных, моральных, психоаналитических, исторических и прочих дискурсов.

Весьма вероятно, что даже простая демонстрация серии подобных дискурсов покажет высокое разнообразие подходов и методик анализа при содержательных переключках и даже совпадениях. Общая значимость такого символического события, как падение Берлинской стены, обладает целосным смысловым потенциалом при всех возможностях его конкретных и специфичных дискурсных прочтений. Этот целостный потенциал может стать новым, обобщенным предметом исследования. Мы все вместе сможем сделать следующий очень трудный шаг.

Следующая крайне трудоемкая и проблематичная задача могла бы заключаться в «очищении» отдельных специфических дискурсов от фактуры и исследовательских приемов, связанных с субдисциплинарными, дисциплинарными и предметными контекстами. Данное «очищение» можно достичь, например, за счет одновременного расширения контекстов и поэтапной замены фактуры и исследовательских приемов. Скажем, хиршмановский контекст поведения членов организации относительно этой организации (граждан ГДР относительно ГДР) мы соединяем с контекстами межгерманского дипломатического диалога и поисков консенсуса в одной или нескольких общеевропейских «корзинах», что ведет к появлению нового, расширенного контекста. Одновременно мы отказываемся от некоторых приемов, которые слишком жестко были связаны со старыми контекстами или проблематикой. У нас появляется некий новый

дискурс, «очищенный» от старых специфик и от частных методик и способов исследования. Затем к полученному нами расширенному и «очищенному» дискурсу мы добавляем контексты освобождения и конвергенции. Повторяем процедуры «очищения». Поднимаемся выше по уровням абстракции и добиваемся большей внутренней «чистоты».

Разумеется, подобную работу мыслимо осуществить лишь в рамках проведения серии анализов специфических дискурсов, затем метадискурсов, затем еще более широких и суперочищенных дискурсов. Это потребовало бы значительного времени, усилий и затрат. В рамках семинара мы можем лишь попробовать вообразить возможные результаты.

Вполне вероятно, что на своих заключительных этапах серия подобных воображаемых междисциплинарных исследований могла бы позволить соединить очищение от частных предметностей с сохранением и даже акцентированием широкой и многослойной предметности события «падения стены» во всей его целостности и насыщенности.

Пытаюсь вообразить, как в результате подобного опыта выстраивается в духе В.Я.Проппа «морфология падения Берлинской стены», а с нею обретает контуры и морфологический органон. Труднее, но все-таки возможно представить, по меньшей мере, две «семиотики падения Берлинской стены». Одна будет идти от знака и выстроится по трем этажам Ч.Морриса – семантике, синтактике и прагматике. Вторая развернется вокруг обобщенного процесса создания знаков в логике органон-модели К.Бюлера. Наконец, можно мысленно представить некое метасравнение разнообразных версий символического события падения Берлинской стены, хотя успех такой попытки и не очевиден в силу хотя бы в силу слишком высокой абстрактности гипотетического инструмента сравнения.

Ожидаемым результатом «очищения» может стать консолидация обобщенных методологий и абстрактных продуктов анализа символического эпизода падения Берлинской стены, которые можно было охарактеризовать как семиотические (с высокой вероятностью), морфологические (с некоторой вероятностью) или компаративистские (с меньшей вероятностью). Это в свою очередь могло бы послужить дополнительным аргументом в пользу выделения соответствующих органонов-интеграторов социально-гуманитарного знания, а именно, семиотического, морфологического и компаративистского.

Вначале было слово? Или дело?

Размышления гетевского Фауста о том, как лучше перевести первые строки Евангелия от Иоанна, оказались крайне созвучны дебатам, развернувшимся на теоретико-методологическом семинаре «Дискурс: пространство междисциплинарных исследований», который состоялся в МГУ в апреле этого года по инициативе кафедры теории дискурса и коммуникации филологического факультета и центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН. Напомним, что Фауст перебирает разные варианты перевода первой строки Евангелия от Иоанна – *Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος*. Он поочередно передает греческое словопонятие *Λόγος* немецкими словами *Wort* (слово), *Sinn* (смысл), *Kraft* (сила, но также энергия, творческая сила и, шире, творчество) и, наконец, *Tat* (дело). [Примечание]

Замысел семинара заключался в том, чтобы «убить двух зайцев»: обсудить перспективы объединения усилий представителей разных дисциплин – прежде всего филологов, философов и политологов – в рамках совместного изучения политического дискурса, а также познакомить участников семинара с проектом Центра перспективных методологий по изучению органов социально-гуманитарных исследований, в первую очередь семиотики и морфологии. На деле дискуссия сфокусировалась вокруг проблематики нынешнего выпуска МЕТОДа.

В центре внимания оказались вопросы соотношения языка и мышления, слов и дел, человеческих действий в их материально-энергетическом и информационно-символическом выражении. Одни обсуждались в различных ракурсах, включая спор по поводу тезиса о возможности аналитического выделения дискурса дел в противоположность дискурсу слов как своего рода предельных абстракций, между которыми располагаются фактические дискурсы повседневного общения, экономики, спорта, литературы, политики и истории, включая дискурс падения Берлинской стены.

Начнем, однако, по порядку. Семинар открыла профессор филологического факультета МГУ Т.Д.Венедиктова. Наша встреча, сказала она, посвящена высоковостребованной и исключительно деликатной проблематике дискурса, - аналитических подходов, которые рождаются и плодятся в этой парадигме, мигрируя через границы академических дисциплин – из философии в лингвистику, из литературной теории в культурологию и социологию и наоборот. «Под знаком дискурса» мысль вольно циркулирует – и часто с трудом опознает собственное происхождение в собственном же новом продукте. Не отслеживая эту динамику мы беспомощны, каждый в своей области.

Ничто не мешает осуществлять рутинную работу, но участие в разговоре более высокого уровня, связанном с производством нового знания – очень проблематично. А это большая проблема не только для нас как ученых, но и для нас как преподавателей.

Симптомом сдвига, произошедшего в последние десятилетия, но до сих пор иными из наших коллег упорно не замечаемого, можно считать изменившееся понимание известной фразы: «В обществе есть проблемы, а в университете есть факультеты». Пятьдесят, тем более сто лет назад она воспринималась как описание гармоничной взаимодополнительности: общественные проблемы можно классифицировать по профилю, на каждый профиль в университете есть факультет, на факультетах соответствующие специалисты. Сегодня это высказывание чаще используется с критической, саркастической подоплекой. Проблемы, с которыми сталкивается общество требуют не только узкой специализации, - она как раз мало помогает, а то и просто мешает их решению. Но процесс дифференциации, взаимоудаления академических дисциплин и субдисциплин, которые сосредоточивались каждая на своей предметной области, вырабатывали каждая свой язык и ревниво охраняли каждая свои границы (и в отношении предмета, и в отношении методологии) – этот процесс имеет и долгую историю, и мощную инерцию. Альтернативный способ производства знания уже не нов, но еще не вполне легитимен, во многом спорен, а в отдельных моментах откровенно уязвим. Так или иначе, важна переориентация с предметного принципа на проблемный, готовность формулировать исследовательские задачи широко, создавая пространство для глубокого и неожиданного осмысления проблем общества и человека. Общий разговор невозможен без интенсивной методологической рефлексии. Именно и только она позволяет устранять ненужные заборы, за которыми можно прятаться, и уходить от продуктивного общения - в режиме возвещения частных, высоко специализированных истин, которые другим, в самом лучшем случае, только любопытны.

Затем выступил М.В.Ильин, который дал некоторые пояснения о своем подходе к изучению дискурсов, необходимые для понимания представленных заранее тезисов.

В своем выступлении Ильин привел определение дискурса как «маленького языка», данное Ю.С.Степановым. Если вспомнить также, – продолжил он, – слова М.Хайдеггера о языке как доме бытия ("*Die Sprache ist das Haus des Seins*") [Über den Humanismus. Frankfurt a.M.: Klostermann, 1949. S. 5], то можно трактовать дискурс как маленький дом бытия. Впрочем, еще более яркую, на мой взгляд, формулировку Хайдеггер предложил еще в 1946 году в «Письме о 'гуманизме'», адресованном

французскому ученику и коллеге Жану Бофре: «Язык – это просветляемо-скрытое появление самого бытия» (*Sprache ist lichtend-verbergende Ankunft des Seins selbst*). Бытие, действительность является нам в языке, потому он и становится ее домом. Действительно, человеческое бытие или действительность образуют не только наши отдельные действия, но и целые осмысленные, осмысляемые или поддающиеся осмыслению эпизоды. Они и являются дискурсами, нашими маленькими драмами, прибежищами нашего существования, бытия.

Трактовку дискурсов как значимых (ср. знак) и осмысленных (ср. смысл) эпизодов действительности можно расширить и одновременно уточнить, обратившись к фундаментальному разилчению Фердинанда де Соссюра: язык во всей своей целостности или *langage* имеет две стороны: *parole* – речь, события общения, как они происходят во времени (on line) и *langue* – яз, абстрактную систему языка, которую используют общающиеся в любой момент речи (off line). Аналогичным образом политологи и вообще обществоведы различают off line институты и on line процессы.

При уточнении соссюрской концепции бельгийский лингвист Эрик Бюиссанс предложил называть дискурсом (*discours*) то, что позволяет соединить язык как систему (*langue*) и речь как деятельность (*parole*), но при этом конкретнее и уже языка в его целостности (*langage*).

Развитие предложенных Соссюром и Бюиссансом подходов позволяет различить три типа дискурса: два взаимоисключающих и один интегрирующий. Дискурс-программа аналогичен языку (*langue*), структуре и институтам-правилам. Дискурс-продукт аналогичен речи (*parole*), а также результатам усилий деятеля, институтам-явлениям. Дискурс-конвертор аналогичен субъектности (*agency*), институтам-организациям, деятелю.

Далее Ильин акцентировал некоторые положения представленных заранее тезисов и призвал поддержать сформулированное там приглашение к эксперименту. Предлагаю вообразить, – сказал он, – а в перспективе даже попробовать создать серию дискурс-анализов. Было бы прекрасно рассмотреть целую серию политических дискурсов, эпизодов политического процесса 1989 года. Начать можно было бы с демонстрации мира на австрийско-венгерской границе вблизи города Шопрон 19 августа 1989 года или так называемом «европейском пикнике», когда с согласия обеих стран пограничные ворота на старой Братиславской дороге были символически открыты на три часа. Больше шевстисот

граждан ГДР использовали это короткое открытие железного занавеса, чтобы бежать через Австрию в ФРГ.

Затем можно было бы рассмотреть так называемые демонстрации по понедельникам. Первая из них прошла в понедельник 4 сентября 1989 года в Лейпциге под лозунгом «Мы — народ!» (*Wir sind das Volk!*) с требованиями гражданских свобод и открытия границ ГДР. Демонстрация через неделю вызвала репрессии, было арестовано более пятидесяти человек. Через месяц на центральную площадь Лейпцига вышло семьдесят тысяч человек. 16 октября демонстрация собрала сто двадцать тысяч человек. А еще через неделю на улицы вышла большая часть взрослого населения Лейпцига – по оценкам больше трехсот тысяч человек.

Наиболее характерный вопрос от филологов – *зачем и для чего нужны органы* – повторялся несколько раз. Шутливый ответ *Ильина* – что мне это интересно, я просто хочу их найти из любопытства – в основном не был принят. Руководитель программы "Философия языка" на философском факультете МГУ *А.А.Костикова* согласилась, что и философия, и наука начинаются с удивления и любопытства, но все же для научного исследовательского проекта этого мало. Должна быть сформулирована некая цель исследования, должны быть обозначены его задачи, эксплицировано то, чего хотят добиться.

Ильин заметил, что основная цель проекта – узнать, как усовершенствовать наши способности суждения, наш органон, выявить новые способы его использования. К ответу подключился *Иван Фомин*. Органоны нужны для интеграции науки, для нахождения общих методологий социальных наук. Органоны-интеграторы, они нужны для интеграции предметно разобранных, и разобщенных дисциплин.

Этот ответ был принят более благосклонно и филологами, и философами. И те, и другие согласились, что эта задача актуальна. Филологи сказали, что мы тоже за интеграцию (хотя по крайней мере один из один аспирантов, участников дискуссии честно посетовал на то, как трудно «вылезать» из своей дисциплины, всерьез пытаюсь что-то понять в философии и методологии). Профессор филологического факультета МГУ *В.В.Красных* отметила, что современная филология подошла к изучению больших многоаспектных проблем, но интеграция дисциплин не должна вести к произвольному смешению подходов: «смешивать борщ и компот» непродуктивно, и при всякой интеграции мы должны сохранять свое лицо.

Ильин отвечает, что задача не смешивать, а находить общие инструменты между науками/ремеслами. Произвольное смешение – это недодисциплинарность.

Еще один сюжет, который беспокоил филологов, относился к заявленному докладчиком расширенному (универсальному) пониманию дискурса. К нему они подходили с разных сторон. Но общий посыл сводился к попыткам разделить дискурс и не-дискурс. Здесь были в основном две позиции. Одна – есть дискурс, дискурсивное поведение (когда как-то трактуют, интерпретируют происходящее) и есть не-дискурс (пример со стрельбой друг в друга). Это – не дискурс, это не трактовка событий, а борьба за выживание. Т.е. – есть не дискурсивное, не знаковое, не символическое поведение, оно вне дискурса. Вторая позиция – есть факты и события. События рефлексированы, они порождают дискурсы (дискурсообразующие события), факты – нет. Дискурс – это рефлексия, трактовка фактов. Сами же факты – вне дискурса. Есть что-то, что я не знаю. Но – это есть, и это вне дискурса.

Фактически и первая, и вторая позиции предполагают, что именно слово и связанная с ним мысль, рефлексия, интерпретация порождают дискурс, являются его единственным «началом». Соответственно, отвергаются попытки рассматривать фаустовские «двойники» Логоса – дело (Tat), творческие усилия (Kraft) и даже невербализованный смысл (Sinn) как возможные составные части или даже «начала» дискурса.

В наиболее радикальной форме стремление вербализовать Логос выразил *Д.Б.Гудков*. Он согласился, что необходимо идти на взаимные «уступки», учитывать специфику других областей гуманитарного знания, сложившиеся в них традиции. Нельзя, конечно, настаивать, что только принятое(-ые), скажем, у филологов толкование(-я) тех или иных базовых понятий является единственно верным(-ыми). При этом все же необходимо хоть сколько-нибудь четко очерчивать границы того или иного концептуального поля. В анализируемом случае нам было предложено рассмотреть возможные подходы к понятию «дискурс». Несмотря ни на что, – подчеркнул *Д.Б.Гудков*, – я так и не понял, что именно докладчик называет этим словом. Всё? Но всё = ничего. Чтобы что-нибудь существовало, оно должно быть чему-то противопоставлено (не говорим о Боге), это закон бытия. Для меня дискурс без слова невозможен, на нем он основан.

Затронул *Д.Б.Гудков* и эмпирические предложения докладчика. По поводу встречи глав Венгрии и Австрии в приграничном Шопроне, на которой они демонстративно

резали колючую проволоку, показывая тем самым, что отныне граница открыта, он сразу подчеркнул ее символический характер. Чтобы проволоку резать, ее надо было туда специально привезти. Сам был в Шопроне в 1982 году, - заметил он, - никакой проволоки там не обнаружил, сами венгры спокойно ездили в Австрию по заграничным паспортам. В данном случае символический акт осуществлялся по заранее подготовленному сценарию. Наверное, это в самом общем смысле можно назвать дискурсом. Настаиваю на том, что без знаковости дискурса попросту нет. Но вот сапер под огнем противника режет ту же проволоку, делая проходы через которые пойдут в атаку штурмовые батальоны. Извините, но назвать это дискурсом не могу никак. Или любое событие должно именоваться этим словом? Зачем тогда говорить о событии? Другой вопрос, что описанные действия сапера могут породить (а могут и нет) различные дискурсы (или субдискурсы одного дискурса – о терминологии можно спорить): солдат может описать сделанное им в письме домой, командир части рассказывает в рапорте о его мужестве, фронтовой корреспондент восхищается его героизмом в газетной статье, известный литератор воспекает воинский подвиг в стихах и прозе, режиссер снимает об этом событии фильм и т.д. Все перечисленные семиотические продукты могут называться дискурсивными, но сами действия бойца – нет. Я предельно терпим и готов отказаться от обязательности вербального содержания дискурса, но от его семиотической составляющей отказаться не могу. Hier stehe ich, ich kann nicht anders!

Жесткость этой позиции смутили, однако, и философов, и даже некоторых филологов. Так, *Т.Д.Венедиктова* заметила, что и факты и события берутся не сами по себе, а трактуются, интерпретируются и потому включаются в дискурс. Всякое знаковое, символическое поведение – тоже дискурс. Социальным поведением занимаются социологи, речевым (вербальным) – лингвисты. Но и то, и другое является знаковым, т.е. у них есть сквозное измерение, которое может осмысливаться семиотически и как дискурс.

Философы в основном поддержали расширенную трактовку дискурса у докладчика и немножко покритиковали узкое понимание у филологов. Но они высказали целый ряд своих соображений по органонам.

Костикова, во-первых, поставила вопрос: насколько современной (видимо, с точки зрения философии) является такая методология и постановка вопроса об органонах? Она скорее укладывается в классическую феноменологическую традицию (Гуссерль и др.) – описание на языковом уровне нашего сознания. От устойчивых научных дисциплин

перейти к устойчиво фиксируемым формам сознания и зафиксировать это в плане языка. Это вполне обоснованный для феноменологической традиции ход – выделить чистые формы сознания. Но как это может работать в языке – остается под вопросом. Не попадем ли мы в ловушку, если окажется, что чистые формы, которые мы хотим выделить, фундированы как раз в том контексте, от которого мы хотим очиститься. Для меня – это проблема.

Второй вопрос. Насколько на базе идей Морриса и других упомянутых авторитетов можно апробировать «очищение» (от предметности), заявленное в проекте. Здесь есть и другие альтернативы. Например, французская школа дискурс-анализа. А в вопросе о том, как работает органон, более авторитетной выглядит фигура Виттгенштейна.

Третье. Понятие дискурса встраивает нас в историко-философскую традицию, в традицию «Discours de la Methode» Декарта и осталось и у французских постструктуралистов, как не то, что надо открыть, а то, от чего надо отталкиваться, то, что надо развернуть. Идея прядка и организации, идея функционального развертывания дискурса – это то, что работает и идет от Декарта и других.

Четвертое. Насторожил аргументационный момент. В нем слишком непроблемное понимание математики, в то время как в современной философии математика проблематизирована, современная философия часто начинает с проблематизации математики, ей придается особый статус, не связанный с процедурой исчисления.

Еще один философ – доцент МГУ Л.И.Яковлева отметила, что проект поиска органонов демонстрирует индуктивную логику, это близко к Бэкону. Однако в индуктивной логике есть проблема. Она не может перейти от частного к общему, как это утверждал еще Платон. Общее усматривается умозрением. Гештальтпсихология говорит об инсайтах, а постпозитивисты утверждают, что теоретическое не индуцируется из эмпирического. Это ведет лишь к «тощим абстракциям» и банальностям. Здесь не будет успеха. Мы видим, что дискурсы здесь не отрефлексированы. К тому же есть так называемая несоизмеримость теорий, которые нельзя совместить, есть разные парадигмы в науках. Их совмещение не даст позитива. У вас все не «очищено», все ситуативно, очень много всяких компонентов.

Кокарев К.П. Проблема, возможно, не в том, что у индукции не хватит «силы» (перейти к общему), а в том, что само «здание еще не достроено». (Имеется в виду, видимо, что не сформирован уровень трансдисциплинарной методологии, на котором «живут» чистые органоны.) Я пытался увидеть общее в тектологии, но не смог. И не

очевидно, что мы сможем «дойти до верха» (видимо, до чистых органов). Но мы сможем перемещаться «вверх-вниз» (видимо, по различным уровням методологической рефлексии) и сможем наработать чувствительность к тому, какие логики и дискурсы работают или нет. И это будет практический результат.

В своем ответе на критические замечания М.В.Ильин отметил, что погруженность в дискурс мешает его понимать, но его нельзя понять иначе, чем вступив в него. Существует ли отдельно от символического выражения и рефлексии действительность, которая лишь потом рефлектируется и насыщается знаками? Думаю – нет. Мы способны вообразить ее «отдельное» существование только благодаря нашим аналитическим усилиям. А оно осуществимо только, если мы находимся внутри. Находясь во вне, мы не можем ее понять, мы должны быть вовлечены. Можно ли найти примеры поведения, которое не становилось бы частью дискурса? Можно. Это разного рода чисто рефлекторные, бессознательные действия, которым ни сами совершающие их люди, ни наблюдатели не придают значения и не приписывают смысла. Это и есть то внешнее по отношению к дискурсу, об отсутствии которого говорил Д.Б.Гудков. А все, что попадет в дискурс, соглашусь с ним, так или иначе в конечном счете вербализуется – хотя бы тем наблюдателем и исследователем, которые с помощью своей творческой силы, включаются в мир социального дела.

В заключение Т.Д. Венедиктова процитировала следующую мысль из статьи А.Хиршмана о крушении ГДР, которая заранее была распространена среди участников дискуссии. В ней Хиршман пишет: *«Участники событий создают смыслы, но не познают их. Дело ученого понимать их, создавая концептуальную рамку, которая сначала облегчает, а потом затрудняет понимание. Ход событий не совпадает со схемой. Т.е. созданная концептуальная схема не конец, а движение к усложнению».*

Она комментирует это в том смысле, что исследуя коммуникацию (дискурс) мы всегда участвуем в ней и не можем рассматривать ее как объект. Это ставит под вопрос наше объективное знание, каким бы путем мы не шли – путем описания предметности или путем рационального очищения метода. Из этого вытекает с необходимостью взгляд на свою науку как на дискурс, порождающий речь.

Дискуссия филологов и философов МГУ, заметила Т.Д.Венедиктова, получилась «жаркой». В ее центре оказались важные вопросы. В чем реальные задачи и реальная польза от работы по «выделению направлений-интеграторов социально-гуманитарного знания»? Только ли в рационализации метода/методов с целью воспарения к его/их

утопической чистоте? Нет (как выяснилось). Скорее – в обеспечении свободы движения между плотным (thick) и «разреженным» (thin) описаниями предмета, между совокупностью дисциплинарных аналитических практик и транс-дисциплинарной теорией. Именно такое движение, осуществляемое неустанно, грамотно и осознанно, обеспечивает динамику развития знания.

Всплыли и другие «больные» вопросы. Что такое «субъективность»? что такое «факт»? Точнее: на какие понимания того и другого мы привычно опираемся в исследовательской деятельности? Если понимать дискурс так широко, как предлагается, - т.е. как взятый в смысловой значимости целостный комплекс человеческой деятельности, – остается ли вообще нечто, что можно определить как «не-дискурс»?

Проблема здесь в том, что филолог, работая с понятием дискурс, «естественно и неизбежно» имеет в виду слово, речевую деятельность в их способности оформлять некоторое содержание. Но разве не состоит вся соль дискурсного подхода в стремлении не упускать из виду связь речевой деятельности с широким спектром социальных, когнитивных, телесных практик? Не будь этого стремления, не возникло бы нужды в новом термине и подходе. Упомянутые практики можно рассматривать – они и рассматриваются, как правило, – в меру их отраженности в текстах или тексто-подобия. Но не менее важно, при исследовании сложных видов человеческого поведения (кстати, на первый взгляд, они могут быть обескураживающе просты и «натуральны»), учитывать их перформативную сторону/природу: никакое заведомое содержание при этом не оформляется, тем не менее смыслы становятся, а став, определяют и меняют нашу жизнь и деятельность, наши дела. Отсюда – необходимость поиска новых, трансдисциплинарных режимов интерпретации. Отсюда же – необходимость методологической рефлексии в новом ключе, а также саморефлексии, коммуникативной открытости академических сообществ.

Примечание

В уста Фауста Гете вкладывает мысли Иоганна Готфрида Гердера, который был не только выдающимся философом и поэтом, но также и теологом. Тот писал в своих «Комментариях к Новому Завету» следующее: «Слово! Но немецкое Слово не передает того, что выражает это древнее понятие – слово, смысл, воля, дело, деятельная любовь!»

<p>Geschrieben steht: "Im Anfang war das Wort!" Hier stock ich schon! Wer hilft mir weiter fort? Ich kann das Wort so hoch unmöglich schätzen, Ich muß es anders übersetzen, Wenn ich vom Geiste recht erleuchtet bin. Geschrieben steht: Im Anfang war der <i>Sinn</i>. Bedenke wohl die erste Zeile, Daß deine Feder sich nicht übereile! Ist es der <i>Sinn</i>, der alles wirkt und schafft? Es sollte stehn: Im Anfang war die <i>Kraft</i>! Doch, auch indem ich dieses niederschreibe, Schon warnt mich was, daß ich dabei nicht bleibe. Mir hilft der Geist! Auf einmal seh ich Rat Und schreibe getrost: Im Anfang war die <i>Tat</i>!</p>	<p>"В начале было Слово". С первых строк Загадка. Так ли понял я намек? Ведь я так высоко не ставлю слова, Чтоб думать, что оно всему основа. "В начале мысль была". Вот перевод. Он ближе этот стих передает. Подумаю, однако, чтобы сразу Не погубить работы первой фразой. Могла ли мысль в создание жизнь вдохнуть? "Была в начале сила". Вот в чем суть. Но после небольшого колебания Я отклоняю это толкованье. Я был опять, как вижу, с толку сбит: "В начале было дело", - стих гласит.</p>
---	--

Литература

1. Bruner M. S. Symbolic uses of the Berlin Wall, 1961–1989 //Communication Quarterly. – 1989. – Vol. 37. – №. 4. – pp. 319-328.
2. Bühler Karl: Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Verlag von Gustav Fischer, Jena 1934.
3. Chilton P. A. Security metaphors: Cold war discourse from containment to common house. N.Y.: P.Lang, 1996.
4. Chilton P., Ilyin M. Metaphor in Political Discourse: The Case of the Common European House. //Discourse & Society. – 1993. – Vol. 4. – №. 1. – pp. 7-31.

5. Chilton P., Ilyin M. V., Mey J. L. (ed.). Political discourse in transition in Europe 1989–1991. – Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1998.
6. Hirschman Albert O. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge: Harvard University Press, 1970.
7. Hirschman Albert O. Exit, Voice, and the Fate of the German Democratic Republic: An Essay in Conceptual History. // World Politics, Vol. 45, No. 2 (Jan., 1993), pp. 173-202.
8. Manghani S. Image critique and the fall of the Berlin Wall. – Intellect Books, 2008.
9. Morris Charles W. Writings on the General Theory of Signs. Den Haag: Mouton, 1971.
10. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. — М.: Прогресс, 1993.
11. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов. Под ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1982.
12. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Антология. Под ред. Ю. С. Степанова. М.: Академический проект, 2001.